

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ТЯЖЕСТИ НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ ЖИЗНИ

Д.А. Корецкий¹, Е.С. Стешич²

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

2 августа 2017 г.

Дата принятия в печать

27 ноября 2017 г.

Дата онлайн-размещения

15 декабря 2017 г.

Ключевые слова

Неосторожность; умысел;

общественная опасность;

категория преступлений

Аннотация. Статистика криминальной смертности свидетельствует, что вред, причиняемый неосторожными преступлениями, не уступает тяжести вреда от умышленных преступлений: в 2016 г. число погибших от тяжких и особо тяжких посягательств (16,0 тыс. чел., или 53,5 %) было немногим больше, чем от посягательств небольшой и средней тяжести (13,9 тыс., или 46,5 %). При этом удельный вес смертности от «нетяжких» преступлений растет — с 2008 г. он увеличился на 6,2 %. Особый интерес представляет тот факт, что количество лиц, погибших в результате преступлений против безопасности дорожного движения, в 2016 г. всего на 2,6 % ниже, чем погибших от убийств. Кроме того, наблюдается сближение личностных характеристик неосторожных и умышленных преступников, что подтверждается результатами эмпирических исследований и дополнительно свидетельствует о формировании новой криминологической ситуации. На фоне неблагоприятных тенденций неосторожной преступности законодательные новеллы и правоприменительная практика последнего времени имеют противоположную направленность, что заметно нивелирует ценность человеческой жизни. Вызвано это, во-первых, терминологическим смягчением формулировок («причинение смерти по неосторожности» вместо преступления, ранее именованного неосторожным убийством), во-вторых, депенализацией наказаний за причинение смерти по неосторожности, а также пересмотром границ между тяжкими преступлениями и преступлениями средней степени тяжести. В числе причин такого положения в том числе стирание на практике границ между неосторожностью и косвенным умыслом. Авторы считают, что ни неосторожные, ни тем более умышленные преступления против жизни не могут входить в категорию преступлений небольшой степени тяжести. По этой причине должна быть исключена возможность прекращения уголовных дел за неосторожные преступления при особо отягчающих обстоятельствах (гибель нескольких человек, состояние опьянения виновного).

THE PROBLEM OF DETERMINING THE GRAVITY OF NEGLIGENT CRIMES INVOLVING THE DEPRIVATION OF LIFE

Danil A. Koretsky¹, Elena S. Steshich²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, the Russian Federation

² Rostov Institute of Russian Ministry of Internal Affairs, Rostov-on-Don, the Russian Federation

Article info

Received

2017 August 2

Accepted

2017 November 27

Available online

2017 December 15

Keywords

Negligence; intent; social danger;

crime category

Abstract. Criminal mortality statistics shows that negligent murders are not less harmful than intentional murders: the number of people killed in grave and especially grave crimes in 2016 (16,0 th. people, or 53,5 %) is just slightly smaller than the number of those killed in minor or moderately serious crimes (13,9 th. people, or 46,5 %). At the same time, the specific weight of deaths resulting from «lesser» offences is growing — it has increased by 6,2 % since 2008. It is especially interesting to note that the number of people killed in traffic accidents in 2016 is just 2,6 % smaller than the number of homicide victims. Besides, personal characteristics of negligent and intentional crimes are getting more and more similar, which is proven by empirical research and is an extra proof that a new criminological situation is emerging. In this situation of unfavorable negligent crime trends, contemporary legislative novels and the practice of law enforcement are moving in the opposite direction, which considerably reduces the value of human life. This is caused by, firstly, the softening of terminology («causing death by negligence» instead of the crime earlier called «involuntary man-

slaughter»), and, secondly, the de-penalization of punishments for causing death by negligence, as well as the review of boundaries between grave and moderately serious crimes. This situation is partially caused by the blurring, in practice, of boundaries between negligence and indirect intention. The authors believe that neither negligent, nor, especially, intentional crimes against human life can fall into the category of moderately serious crimes. It is due to this reason that the possibility of terminating criminal proceedings for negligent crimes in especially aggravating circumstances (death of several people, acting under the influence) should be eliminated.

Неосторожные преступления традиционно считаются менее опасными, чем умышленные. Такая сложившаяся несколько десятилетий назад оценка не поменялась и с ходом научно-технического прогресса, который резко изменил положение вещей. Одна авиационная катастрофа или кораблекрушение уносят больше жизней, чем самый опасный серийный убийца, а авария на Чернобыльской АЭС повлекла последствия, сопоставимые с последствиями локальной (а может быть, и широкомасштабной) войны.

Но в законодательной и правоприменительной практике неосторожные преступления по-прежнему оцениваются как менее значимые. И если оценки, существующие на уровне общественного сознания, не претендуют на научную точность, то решения законодателя непременно должны быть криминологически обоснованными. К соблюдению данного требования призывают как отечественные, так и зарубежные ученые¹ [1–4]. Тем не менее законодательная и правоприменительная практика последних лет заметно нивелировала ценность человеческой жизни, посягательство на которую далеко не всегда относится к тяжким и особо тяжким преступлениям.

Стоит отметить, что в 2016 г. число погибших от тяжких и особо тяжких посягательств (16,0 тыс. чел., или 53,5 %) было немногим больше, чем от посягательств небольшой и средней тяжести (13,9 тыс., или 46,5 %). Подчеркнем, что удельный вес смертности от «нетяжких» преступлений растет — с 2008 г. он увеличился на 6,2 %. Особый интерес представляет тот факт, что количество лиц, погибших в результате преступлений против безопасности дорожного движения, в 2016 г. всего на 2,6 % ниже, чем погибших от убийств². Таким образом, смертоносный вред, причиняемый

неосторожными преступлениями, не уступает тяжести вреда от умышленных преступлений.

Вызвано это, во-первых, недооценкой опасности неосторожных преступлений в принципе, а также пересмотром границ между тяжкими преступлениями и преступлениями средней степени тяжести, в связи с чем все неосторожные преступления, повлекшие гибель нескольких, а нередко десятков и сотен человек, были перенесены в менее опасную категорию преступлений средней тяжести³. Среди представителей научного сообщества эта и многие последующие новеллы вызвали больше неприятия, чем одобрения. Критике подверглась возможность освобождения от уголовной ответственности за преступления с человеческими жертвами, появившаяся в связи с переводом неосторожных преступлений в категорию преступлений средней тяжести, расширение границ преступлений небольшой тяжести, наделение судов правом самостоятельно определять (менять) категорию преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ)⁴, которая является объективной категорией и меняться по усмотрению суда, естественно, не может. Эти новеллы вызвали критику со стороны научной общественности, а профессор В.А. Номоконов справедливо назвал их нонсенсом [5, с. 49; 6]. Тем не менее они существенно смягчили ответственность лиц, виновных в противоправном лишении жизни.

Одним из дискуссионных моментов в рассматриваемой проблеме является оценка степени тяжести неосторожных преступлений. О том, что неосторожные преступления не долж-

¹ Crime prevention and criminal justice: report of the 3rd Committee General Assembly, 70th session, 4 Dec. 2015. New York, 2015. 92 p.

² Сведения о количестве потерпевших за январь — декабрь 2016 г. (ф. 493, кн. 4) (данные ГИАЦ МВД России).

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ (ред. от 8 дек. 2003 г.) // Российская газета. 2001. 14 марта.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) // Там же. 2011. 9 дек.

ны входить в категорию тяжких, высказывали мнение в своих докторских диссертациях, например, И.М. Тяжкова и Н.Г. Кадников [7, с. 36, 108; 8, с. 13]. Между тем многие другие авторитетные ученые, обращая внимание на значительный ущерб от квалифицированных видов неосторожных преступлений, связанных с человеческими жертвами, не считают их исключение из категории тяжких правильным. Например, В.В. Лунеев отмечает, что «расширение категории преступлений средней тяжести за счет неосторожных преступлений не выглядит убедительным» [9, с. 122]. Авторы «Полного курса уголовного права» считают, что решение законодателя «необоснованно и серьезным образом девальвирует ценность человеческой жизни. Не выглядит убедительным ориентирование законодателя на форму вины при одновременном игнорировании содержания преступных последствий и места объекта в иерархии охраняемых благ, интересов, общественных отношений, которыми первоначально определяется характер и степень общественной опасности преступления» [10, с. 280–288].

Следует вспомнить, что на этапе обсуждения и принятия действующего уголовного закона предлагалось и компромиссное решение о дополнении классификации преступлений еще одной категорией — тяжкие неосторожные преступления с лишением свободы на срок свыше восьми лет [10, с. 280–288; 11, с. 41]. Такую санкцию в действующем уголовном законе имеют всего три состава преступления с неосторожной формой вины: ч. 6 ст. 264 (от четырех до девяти лет лишения свободы), ч. 3 ст. 267 (до десяти лет лишения свободы), ч. 3 ст. 349 УК РФ (до десяти лет лишения свободы). В первоначальной редакции УК РФ их было больше, например ч. 2 ст. 215, ч. 2 ст. 216, ч. 2 ст. 217, ч. 2 ст. 219, ч. 3 ст. 263 УК РФ. Теперь максимальное наказание за указанные преступления — до семи лет лишения свободы. Можно было бы предположить, что сокращение сроков наказания (а по приведенным статьям это примерно треть) все же не является следствием недооценки вредности преступлений против жизни, хоть и совершенных по неосторожности.

Но эта надежда рассеивается в процессе исследования динамики наказания, предусмотренного в рамках общей нормы за неосторожное убийство. В УК РСФСР 1960 г. ст. 106 «Неосторожное убийство» имела санкцию в виде лишения свободы на срок до трех лет. Первая редакция

ч. 1 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности» также предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, а по ч. 2 «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, а равно причинение смерти по неосторожности двум или более лицам» предусматривалось лишение свободы на срок до пяти лет.

После изменений, внесенных Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, наказание в виде лишения свободы по ч. 1 ст. 109 УК РФ стало меньше на треть (!). Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей стало наказываться почти в два раза мягче (до трех лет лишения свободы вместо пяти). Лишением свободы на срок до пяти лет могли теперь наказываться только деяния, повлекшие причинение смерти по неосторожности двум или более лицам (ч. 3 ст. 109 УК РФ). Однако спустя шесть лет законодатель пошел дальше. Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ санкция даже по ч. 3 ст. 109 УК РФ была понижена до четырех лет лишения свободы.

Является аксиомой, что именно санкция статьи отражает характер и степень общественной опасности деяния. Анализ приведенных решений позволяет сделать вывод, что законодатель не знает, как быть с выбором справедливого воздаяния.

Учитывая, что любое решение в области уголовной политики должно подчиняться правилу криминологической обоснованности, попробуем проанализировать обоснованность соответствующих реформ.

Так, в основе изменения уголовно-правовой нормы, в том числе санкции конкретной статьи, согласно авторитетному мнению В.Д. Филимонова, должен находиться криминологический анализ структуры различных видов преступлений, уровня и динамики преступлений, которые выражают «новую (большую или меньшую) степень общественной опасности, готовности нравственного и правового сознания граждан принять норму в новом, измененном виде» [12, с. 79–80]. Ничего подобного, могущего привести к снижению опасности неосторожных преступлений, за последние 20 лет не наблюдалось и не наблюдается.

Не снижается и общественная опасность личности преступника. Из материалов изучен-

ных уголовных дел (ч. 3–6 ст. 264 УК РФ)⁵ следует, что для большинства виновных характерно отрицание своей вины как в процессе следствия, так и в суде, отмечается активное нежелание компенсировать моральный вред, а результаты инструментальных психологических исследований позволяют говорить об ухудшении личностных характеристик неосторожных преступников с формированием личностной готовности, предрасположенности к нарушению закона, т.е. криминальной предрасположенности.

Более того, личности неосторожных и умышленных преступников имеют общие характеристики, которые прослеживаются в результатах инструментальных исследований. Изучение личностей осужденных по ст. 105, ч. 4 ст. 111, 109, 264 УК РФ показало, что они *значимо отличаются* от правопослушных граждан, при этом в некоторых чертах между собой проявляют сходство. Например, виновные в причинении смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) в сравнении с осужденными за «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) несколько более общительны, обладают большей социальной смелостью, менее жестки и суровы по отношению к людям. Они лучше адаптируются к новым условиям социальной среды и воспринимают социум как менее угрожающий. Между тем они так же, как и осужденные за умышленное убийство, предрасположены к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации, обладают неразвитым супер-эго, проявляющимся в несогласии с принятыми социальными нормами, ориентации на собственные желания, беспринципности, низком уровне осознания своей ответственности перед другими. Таким образом, социальная дезадаптированность и ожидание агрессивных действий в ситуациях, которые реальную угрозу могут и не представлять, выступают общими чертами осужденных за причинение смерти по неосторожности и убийство. При вза-

⁵ Эмпирические и прикладные исследования, результаты которых приводятся в настоящей статье, осуществлялись Е.С. Стешич единолично (на базе исправительных учреждений ФСИН России (Воронежская область, 2013–2014 гг.), а также межрегиональной психологической лаборатории УФСИН России по Ярославской области (общее число обследованных — 2 775); изучено по 250 уголовных дел по ст. 105, ч. 4 ст. 111, ч. 3–6 ст. 264 УК РФ; опрошено путем анкетирования 316 судей Челябинского, Ростовского, Воронежского, Смоленского областных судов, Ставропольского и Забайкальского краевых судов, Верховного суда Республики Удмуртия (2013–2014 гг.)).

имодействию с криминогенной ситуацией эти черты личности являются немаловажным фактором преступления [13].

Особенности личностей двух третей обследованных осужденных по ч. 4, 6 ст. 264 УК РФ, связанные со способностью к подавлению собственных желаний ради соблюдения социальных норм, а также внутренним самоконтролем, т.е. способностью к торможению неадекватных импульсов, состояли в следующем: снижение эмоционального контроля; безответственность; склонность быстро принимать решение, порой не задумываясь о последствиях своих поступков; самоуверенность, тщеславие, эгоизм; невротическая утомляемость (недостаток энергии, беспричинные страхи, склонность к неврозам); склонность к деструктивному поведению; свобода в проявлении эмоций; гибкие установки по отношению к социальным нормам; низкое чувство вины, пренебрежение правилами, слабый интерес к общественным стандартам [14; 15; 16, с. 3].

Таким образом, умышленные и неосторожные преступления, связанные с убийством, приобретают ряд общих как социальных, так и психологических детерминантов, не отмечаемых ранее. Данное обстоятельство является дополнительным признаком новой криминологической ситуации, выраженной, в частности, в изменении особенностей личности неосторожного преступника.

Недооценка степени опасности неосторожных преступлений, совершаемых в разных сферах (движения и эксплуатации автомобильного, железнодорожного, морского транспорта, метрополитена, пожарной безопасности, производственной и лечебной деятельности, электроэнергетике, строительстве, охране окружающей среды, добыче полезных ископаемых и пр.), подтверждается конкретными криминологическими исследованиями разных периодов реформ. Ряд авторов через призму уголовного права и криминологии обращают внимание на необоснованный гуманизм в отношении виновных: изменение редакции многих статей, минимальные наказания, назначаемые по приговору суда, неоправданно широкое применение амнистий на фоне сохраняющейся высокой латентности преступлений [7, с. 9; 17, с. 32–40; 18, с. 3; 19, с. 3, 16]. Например, М.В. Мухортова пишет: «Многочисленные человеческие жертвы вызывают большой общественный резонанс и воспринимаются как деяния, имеющие высокую степень общественной опасности», в связи

с чем предлагает расширить сферу применения состава «поставление в опасность» и административной преюдиции [20, с. 15–16].

Работой противоположной направленности, в которой утверждается о завышенных санкциях за причинение смерти по неосторожности, является, в частности, труд В.В. Агильдина. Анализируя судебную практику, он указывает, что суды в 60 % случаев назначают условное лишение свободы, а в 82 % случаев — минимальное наказание. В связи с этим он предлагает исключить наказание по ч. 1, 2 ст. 109 УК РФ в виде лишения свободы, а по ч. 3 (причинение смерти двум или более лицам) в качестве альтернативы установить наказание до двух лет лишения свободы.

Вряд ли с такой позицией можно согласиться. Во-первых, непонятно, каким образом данные предложения автора согласуются с его же выводом о существенной недооценке степени общественной опасности причинения смерти по неосторожности [21, с. 3, 14]. Во-вторых, степень опасности неосторожного лишения жизни, безусловно,кратно выше, например, опасности нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 1 ст. 138 УК РФ), отказа в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ), но и за них, по авторитетному мнению Л.Д. Гаухмана, следовало предусмотреть альтернативное наказание в виде лишения свободы, ибо каждым человеком они воспринимаются «особо болезненно и угнетающе» [22, с. 73].

Кроме того, полагаем, что эффективность правовой нормы вряд ли стоит связывать с судебной практикой, которая в настоящее время носит явно выраженный либеральный характер практически по всем категориям дел (за исключением, пожалуй, преступлений против государственной власти, террористической и экстремистской направленности). В противном случае и наказание за убийство следует снизить как минимум на треть, поскольку средний срок лишения свободы, скажем, в 2016 г. по ч. 1 ст. 105 УК РФ составил 8 лет 2 месяца лишения свободы при максимальном наказании 15 лет лишения свободы, а по ч. 2 ст. 105 УК РФ — 12 лет 7 месяцев⁶.

Вместе с тем явно выраженная недооценка одной из высших конституционных ценно-

⁶ Здесь и далее расчеты произведены по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ (ф. 10.3 «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов»). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

стей — человеческой жизни — проявляется, например, в том, что внесенный совсем недавно в Госдуму законопроект предусматривает лишение свободы на срок до шести (!) лет за кражу электроэнергии⁷. А ведь это почти равно среднему наказанию за умышленное убийство и в три раза превосходит санкцию за неосторожное лишение жизни!

Интересно заметить, что в ч. 2 ст. 189 «Укрывательство преступлений» УК РСФСР 1960 г. наряду с ответственностью за умышленные преступления была предусмотрена ответственность за неосторожное убийство — единственное неосторожное преступление, сокрытие которого грозило привлечением к уголовной ответственности (до двух лет лишения свободы), чем подчеркивалась особая общественная опасность преступлений против жизни вне зависимости от формы вины, с которой они совершены.

Вряд ли можно утверждать о моральной и нравственной готовности современного общества мириться с трагическими последствиями неосторожных преступлений, относиться к ним более лояльно. Актуально и сейчас звучат слова М.П. Чубинского о том, что «для общества далеко не безразлично количество причиненного деянием вреда, ибо во многих случаях чем более значительное благо нарушено, тем значительнее и степень внушаемой деянием обществу опасности» [23, с. 103].

Относительно надежным критерием оценки эффективности правовой нормы является экспертный опрос. Санкцию ст. 109 УК РФ 44 % опрошенных судей оценили в качестве мягкой, и никто не ответил, что она чрезмерно строга. Судебная практика по ст. 109 УК РФ была оценена как гуманная более чем половиной опрошенных — 64 %.

Так, в 2016 г. средний срок лишения свободы за причинение смерти по неосторожности составил: по ч. 1 ст. 109 УК РФ — десять месяцев, ч. 3 ст. 109 УК РФ — один год восемь месяцев; по ч. 3 ст. 264 УК РФ — один год девять месяцев, ч. 4 ст. 264 УК РФ — два года десять месяцев, ч. 6 ст. 264 УК РФ — пять лет лишения свободы. Находят широкое применение наказания, не связанные с лишением свободы. Так, по ч. 1 ст. 109 УК РФ в прошедшем году только 15 % были осуждены к лишению свободы, 9 % осуждены к этой мере наказания условно; 42 % приговорены к ограничению свободы, 24 % — к ис-

⁷ Законодательная база РФ. URL: <http://zakonbase.ru/news/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-o-lishenii-svobody-za-krazhu-elektroenergii>.

правительным работам, 0,5 % — к штрафу, 4,0 % условно осуждены к иным мерам. В отношении 239 подсудимых уголовное преследование прекращено по разным основаниям, что составило 24 % от числа осужденных лиц.

Тенденция неоправданной гуманизации прослеживается и в совсем недавних законодательных решениях. В конце 2016 г. в УК РФ были введены две новые статьи: ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и ст. 230.2 «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте», признаки которых содержат последствия в виде причинения по неосторожности смерти спортсмену⁸. Обращает на себя внимание, что соответствующие части статей касаются категории преступлений небольшой степени тяжести (до трех лет лишения свободы), и это при том обстоятельстве, что, например, погибшими в результате деяния могут быть *несовершеннолетние*, оно может сопровождаться *шантажом, насилием или угрозой его применения* (ч. 2, 3 ст. 230.1 УК РФ), а применение в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, происходит независимо от его согласия, т.е., нужно думать, даже обманным, а может быть, и насильственным путем (ч. 2 ст. 230.2 УК РФ).

Полагаем, что, отнеся квалифицированный (ч. 2 ст. 230.2 УК РФ) и особо квалифицированный состав *умышленного* преступления, даже сопряженного с насилием (ч. 3 ст. 230.1 УК РФ) и повлекшего смерть человека, к категории преступлений *небольшой (!) степени тяжести*, законодатель вышел за пределы общего правила конструирования санкции соответствующих норм (смерть одного лица — до пяти лет лишения свободы, двух лиц — до семи лет лишения свободы, а при иных обстоятельствах — в данном случае, например, несовершеннолетие жертвы — и выше), чем явно занизил ценность охраняемого объекта — жизни человека.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что реформирование уголовного закона в части либерализации уголовной политики в отношении неосторожных преступлений очень

слабо связано (или вовсе не связано) с криминологическими критериями изменения уголовно-правовых норм. В основе соответствующих законодательных решений должны находиться показатели преступности, свидетельствующие о снижении степени опасности неосторожных преступлений, а никак не наоборот.

Следует согласиться с мнением уважаемого М.М. Бабаева, который, отмечая, что изменение внутренней структуры преступности должно достигаться путем реального претворения в жизнь уголовной политики, в первую очередь посредством борьбы с преступностью, обоснованной криминализацией и декриминализацией, указал, что «нередко корректировка осуществляется директивным (читай — волюнтаристским) путем и в целях, лежащих далеко от правового поля. Так, хорошо известна периодически повторяющаяся ситуация, когда наш «конструктор преступности» — законодатель, для которого изменение закона по любому поводу не составляет никаких проблем, принимает решение: перенести некую группу преступлений из разряда более тяжких в разряд менее тяжких. В результате статистика, отражающая неблагоприятные тенденции и рождающая тревогу, одновременно начинает «ласкать взор» тех, кого она раздражала» [24].

Недопустимо, когда решения законодателя искусственно меняют тяжесть преступлений. В результате статистика искаженно, как кривое зеркало, начинает отражать реальную картину преступности, а в данном случае — соотношение видов преступлений, несущих разную степень общественной опасности.

В 2000 г. официальная структура преступности и «рейтинг» в ней категорий преступлений выглядели следующим образом: 58,8 % — тяжкие и особо тяжкие преступления, 22,4 % — преступления небольшой тяжести, 18,8 % — средней тяжести. К 2003 г., после того как все неосторожные преступления вошли в категорию преступлений небольшой и средней степени тяжести, структура преступности сильно изменилась: 39,0 % — тяжкие и особо тяжкие преступления, 33,1 % — средней тяжести, 27,3 % — небольшой тяжести. После пересмотра верхней границы преступлений небольшой тяжести, санкций многих статей УК РФ, предоставления суду возможности снижать категорию совершенного преступления к 2016 г. на первое место вышли преступления небольшой тяжести (44,2 %), на второе — средней тяжести (34,6 %), на третье — тяжкие и особо тяжкие (21,2 %) (табл.).

⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил) : федер. закон от 22 нояб. 2016 г. № 392-ФЗ // Российская газета. 2016. 24 нояб.

Структура преступности по характеру и степени общественной опасности, %*
Structure of crimes depending on character and degree of public danger, %

Год / Year	Тяжкие и особо тяжкие преступления / Grave and very grave crimes	Преступления средней тяжести / Moderately serious crimes	Преступления небольшой тяжести / Minor crimes
2000	58,8	18,8	22,4
2003	39,0	33,1	27,3
2016	21,2	34,6	44,2

* Составлена по данным ФКУ ГИАЦ МВД России (Экспресс-информация по России. Сведения о состоянии преступности и результатах выявления и раскрытия преступлений. Ф. 451, кн. 8).

Считаем, что общественная опасность преступного деяния, формализованная в санкции статьи, определяется в первую очередь важностью объекта преступления, во вторую очередь — тяжестью наступивших последствий и только потом — формой вины, имеющей, как пишет А.И. Чучаев, «вспомогательное значение» [25, с. 36]. О соответствующем приоритете пишут и другие ученые. Так, по мнению Е.В. Роговой, «общественная опасность должна прежде всего отражать важность и ценность объекта посягательства» [26, с. 183]. «Нарушение социально значимых, важных общественных отношений, — считает А.И. Чучаев, — характеризует преступление как более опасное, и наоборот» [25, с. 64]. «Общественная опасность преступного деяния, бесспорно, зависит от важности объекта преступления...» — указывает П.А. Фелелов [27, с. 17].

Содержательным моментом небольшой общественной опасности деяния является объект небольшой ценности, к которым А.И. Марцев относит здоровье (легкий вред), конституционные права и свободы человека и гражданина, честь и достоинство личности, экологию, безопасность движения и эксплуатации транспорта, компьютерную информацию и общественную нравственность [28, с. 81]. Мы бы уточнили, что это объекты относительно небольшой ценности, т.е. сами по себе они, безусловно, ценны, например здоровье, но в сравнении с другими, например жизнью, уровень их значимости уменьшается.

В действующей системе категорий преступлений все объекты уголовно-правовой охраны с точки зрения их социальной значимости (ценности) смешаны. В итоге опасность посягательств на жизнь (ч. 1, 2 ст. 109, ч. 1 ст. 107, ст. 108 УК РФ) уравнивается, скажем, с приобретением, хранением, перевозкой, переработкой в целях сбыта или сбытом заведомо незаконно заготовленной древесины, совершенными в крупном размере (т.е. на сумму свыше 80 тыс. р.

(ст. 191.1 УК РФ)), что представляется недопустимым. Полагаем, что ни по важности объекта охраны, ни по тяжести наступающих особо тяжких последствий (смерть человека) преступления, связанные с лишением жизни, не должны входить в категорию преступлений небольшой тяжести. Еще в большей степени это касается умышленных преступлений. Например, деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 107 УК РФ, ч. 2 ст. 108 УК РФ, с 2011 г. из категории преступлений средней тяжести переместились в категорию преступлений небольшой степени тяжести.

Кроме того, в число посягательств, устойчиво квалифицируемых как неосторожные преступления, входят и такие, которые на самом деле совершены с косвенным умыслом. Не секрет, что «частью четвертой ст. 111 УК нередко манипулируют на практике, скрывая за этой нормой самые настоящие убийства. Давно пора здесь навести порядок, исключить ошибочную юридическую оценку», — указывал еще 15 лет тому назад Э.Ф. Побегайло [29, с. 5]. Однако в современное время «порядок», как видно, не изменился. Сложившаяся судебная практика традиционно расценивает жестокое забивание потерпевшего насмерть как причинение смерти по неосторожности. Нередка такая квалификация даже в случаях сожжения заживо, причинения огнестрельных, режуще-колюще-рубящих смертельных травм в якобы «нежизненно важные органы» (хотя таких в человеческом организме практически нет).

Мы не согласны с выводами Р.А. Адельханяна, Е.В. Безручко о том, что вина абсолютного большинства осужденных по ч. 4 ст. 111 УК РФ выражается в форме небрежности [там же, с. 19; 30, с. 236]. Совершенно очевидно, что в случаях применения тяжкого физического насилия речь не может идти не только о небрежности в отношении смерти, но о неосторожности вообще.

Дело в том, что субъект неосторожного преступления не сознает общественно опасного

характера деяния: он не только не желает (или не допускает) причинения вреда обществу, но либо вообще не предвидит возможности причинения этого вреда, либо уверен в его предотвращении. Отсюда вытекает особенность, характеризующая субъективную сторону неосторожных преступлений, — невнимательность, безответственность [31, с. 8].

К субъективной стороне ч. 4 ст. 111 УК РФ эту характеристику применить нельзя, ибо лицо, причиняющее тяжкий вред здоровью путем длительного избиения и тем более применяющее травмирующие орудия, безусловно, осознает опасность такого насилия для жизни и вероятность наступления смерти человека, следовательно, действует с косвенным умыслом на убийство.

Особенно наглядно это в тех случаях, когда способ совершения преступления однозначно свидетельствует о безразличном отношении к жизни жертвы. Так, считаем, что установление особой жестокости в механизме причинения смерти является признаком убийства и исключает любую иную квалификацию. В приговорах по 4,4 % изученных нами дел по ч. 4 ст. 111 УК РФ фигурировал исследуемый признак (множественные удары по голове, в том числе престарелым лицам, длительное групповое избиение с последующим поджогом вещей, в которые был одет потерпевший, и т.п.), а в приговоре стандартно указывалось: «...проявляя особую жестокость, не имея умысла на убийство...»⁹. За рамками оценки остается понимание того, что особая жестокость сопровождается желанием причинить максимально возможную боль. В сочетании с умышленным причинением вреда здоровью, опасного для жизни (тяжкого), наступление смерти фактически неизбежно, что виновный, несомненно, осознает, допускает ее наступление или относится к этому безразлично.

Совершенно справедливыми поэтому представляются слова профессора В.С. Лукьянова, который сразу после принятия действующего УК РФ критически отозвался о введении концепции «двойной вины» и указал на ошибочность ее распространения на преступления, связанные с насилием. «Считаю, — пишет он, — что, например, в деянии, предусмотренном ч. 4 ст. 111 УК,

никакого «раздвоения» вины нет... Характер отношения виновного к смерти пострадавшего не может рассматриваться в качестве юридической категории формы вины, так как не имеет самостоятельного значения, а вытекает из отношения к причинению вреда здоровью. Если лицо имело целью причинение тяжкого вреда здоровью, следовательно, оно должно было сознавать возможность смертельного исхода» [32, с. 29].

Учитывая изложенное, с сожалением отмечаем, что ч. 4 ст. 111 УК РФ стала, во-первых, «удобной» формулой квалификации убийств, сопряженных с другими преступлениями, совершенных несовершеннолетними, в сфере быта и досуга. Даже по резонансному факту смертельного избиения женщины в Орле, после того как сотрудница полиции отказала в принятии сообщения, уголовное дело было возбуждено не по убийству, а по ч. 4 ст. 111 УК РФ, хотя в ходе разговора по телефону речь шла именно об угрозе жизни и женщина-полицейский пообещала, что когда потерпевшую убьют, полиция приедет и зафиксирует происшедшее¹⁰. Кстати, сама сотрудница полиции объективно выступила в роли пособницы преступника, хотя сведений о правовой оценке ее действий в печати так и не появилось.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. С 2001 г. наблюдается изменение структуры преступности в сторону увеличения удельного веса преступлений небольшой и средней тяжести. Исследования свидетельствуют, что данный факт в большей мере является следствием криминологически необоснованных изменений законодательства, нежели действительного снижения опасности совершаемых преступлений.

2. Преступления, посягающие на жизнь человека, в связи с особо ценным объектом уголовно-правовой охраны существенно отличаются от иных деяний. Это обстоятельство должно подлежать учету при категоризации преступлений. Полагаем, что ни неосторожные, ни тем более умышленные преступления против жизни не могут входить в категорию преступлений небольшой степени тяжести. По той же причине должна быть пересмотрена возможность прекращения уголовного дела за неосторожные преступления при особо отягчающих обстоятельствах (гибель нескольких человек, состояние опьянения виновного).

⁹ См., в частности: приговор Лискинского районного суда г. Воронежа от 1 апреля 2008 г. в отношении К., приговор Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 24 января 2006 г. в отношении Б., приговор Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 13 марта 2009 г. в отношении П.

¹⁰ Если вас убьют, мы обязательно выедем, труп опишем. URL: <http://www.newsru.com/crime/25nov2016/polinterstbodyorl.html>.

3. Личности неосторожных и умышленных преступников имеют общие характеристики, *значимо отличаются* от личностей законопослушных граждан, при этом в некоторых чертах между собой проявляют сходство. В частности, социальная дезадаптированность и ожидание агрессивных действий в ситуациях, которые реальную угрозу могут и не представлять, являются их общими чертами.

4. Современное правоприменение отличается игнорированием косвенного умысла в действиях виновного и квалификацией его дей-

ствий как неосторожных. В число посягательств, устойчиво квалифицируемых как неосторожные преступления, входят и такие, которые на самом деле совершены с косвенным умыслом. Так, в 87 % из 265 изученных нами материалов уголовных дел по ч. 4 ст. 111 УК РФ есть все основания для вывода об умышленном отношении виновного к наступившим последствиям, что следует из совокупности объективных и субъективных признаков деяния. Эта практика должна стать предметом пристального критического рассмотрения Пленумом Верховного Суда РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. European Developments in Corporate Criminal Liability / ed. by J. Gobert, A.-M. Pascal. — London ; New York : Routledge, Taylor & Francis group, 2014. — 384 p.
2. Criminal Liability for Non-Aggressive Death / ed. by S. Cunningham, C.M.V. Clarkson. — Hampshire : Ashgate Publishing Ltd., 2008. — 272 p.
3. Simonovic D. Special Rapporteur on violence against women, its causes and consequences [Electronic resource] / D. Simonovic. — Mode of access: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Women/SRWomen/Pages/SRWomenIndex.aspx>.
4. Brain P.F. Hormonal aspects of aggression and violence / P.F. Brain // Understanding and preventing violence / eds A.J. Reis (Jr.), K.A. Miczek, J.I. Roth. — Washington, DC : National Academy Press, 1994. — Vol. 2 : Biobehavioral influences. — P. 173–244.
5. Номоконов В.А. Преступная «декриминализация» / В.А. Номоконов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 26. — С. 48–57.
6. Максимов С.В. Новейшая уголовная политика России (1996–2016): итоги, проблемы, перспективы : науч. докл. / С.В. Максимов. — М. : Ин-т гос. и права РАН, 2016. — 26 с.
7. Тяжкова И.М. Ответственность за неосторожные преступления, совершаемые при использовании источников повышенной опасности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / И.М. Тяжкова. — М., 2003. — 399 с.
8. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н.Г. Кадников. — М., 2000. — 53 с.
9. Мониторинг уголовной политики России / под ред. С.В. Максимова. — М. : Ин-т гос. и права РАН, 2014. — 482 с.
10. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. — Т. 1 : Преступление и наказание. — 1133 с.
11. Нерсисян В.А. Законодательная регламентация ответственности за преступные деяния, совершенные по неосторожности / В.А. Нерсисян // Уголовное право. — 2000. — № 2. — С. 41–44.
12. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. — 211 с.
13. Стешич Е.С. Сравнение личностных особенностей умышленных и неосторожных убийц / Е.С. Стешич // Прикладная юридическая психология. — 2017. — № 1 (38). — С. 77–85.
14. Стешич Е.С. Криминальная пре-диспозиция как фактор дорожно-транспортного преступления (по материалам конкретного исследования) / Е.С. Стешич, С.А. Красненкова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — № 2 (40). — С. 17–23.
15. Красненкова С.А. Некоторые криминологические и индивидуально-психологические характеристики лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления в состоянии алкогольного опьянения / С.А. Красненкова, Е.А. Щелкушкина // Прикладная юридическая психология. — 2015. — № 3. — С. 57–66.
16. Баранчикова М.В. Исследование личности дорожно-транспортного нарушителя, допускающего превышение скоростного режима / М.В. Баранчикова, Т.В. Мальцева // Прикладная психология и педагогика. — 2017. — Т. 2, № 1. — С. 3.
17. Мальцев В.В. Неосторожные преступления: критерии общественной опасности и их отражение в УК РФ / В.В. Мальцев // Государство и право. — 2012. — № 3. — С. 32–40.
18. Замалеева С.В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Замалеева. — Екатеринбург, 2016. — 26 с.
19. Улезько И.С. Ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ): уголовно-правовой и криминологический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.С. Улезько. — Омск, 2015. — 24 с.
20. Мухортова М.В. Преступления, связанные с нарушением специальных правил: природа и особенности элементов состава : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.В. Мухортова. — М., 2016. — 32 с.
21. Агильдин В.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика причинения смерти по неосторожности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Агильдин. — Иркутск, 2003. — 22 с.
22. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. — М. : ЮрИнФОР, 2001. — 447 с.
23. Чубинский М.П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве / М.П. Чубинский. — Ярославль : Типо-лит. Э.Г. Фальк, 1900. — 373 с.

24. Бабаев М.М. Уголовная политика и преступность как взаимодействие / М.М. Бабаев // Современные проблемы уголовной политики : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 25 сент. 2015 г. : в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. — Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2015. — Т. 1. — С. 31–32.
25. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А.И. Рарога. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2010. — 702 с.
26. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Рогова. — М., 2014. — 596 с.
27. Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности / П.А. Фефелов. — М. : Юрид. лит., 1972. — 151 с.
28. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении / А.И. Марцев. — Омск : Юрид. ин-т МВД России, 2000. — 136 с.
29. Адельханян Р.А. Причинение тяжкого вреда здоровью при особо отягчающих обстоятельствах (уголовно-правовое и криминологическое исследование) / Р.А. Адельханян ; под ред. Э.Ф. Побегайло. — Минеральные Воды : Кавк. здравница, 2000. — 119 с.
30. Безручко Е.В. Уголовно-правовые средства обеспечения безопасности здоровья человека в Российской Федерации / Е.В. Безручко. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 344 с.
31. Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы / П.С. Дагель. — М. : Юрид. лит., 1977. — 144 с.
32. Лукьянов В.С. Технический прогресс и уголовное законодательство / В.С. Лукьянов // Российская юстиция. — 1999. — № 10. — С. 28–30.

REFERENCES

1. Gobert J., Pascal A.-M. (eds). *European Developments in Corporate Criminal Liability*. London, New York, Routledge, Taylor & Francis group, 2014. 384 p.
2. Cunningham S., Clarkson C.M.V. (eds). *Criminal Liability for Non-Aggressive Death*. Hampshire, Ashgate Publishing Ltd., 2008. 272 p.
3. Simonovic D. *Special Rapporteur on violence against women, its causes and consequences*. Available at: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Women/SRWomen/Pages/SRWomenIndex.aspx>.
4. Brain P.F. Hormonal aspects of aggression and violence. In Reis A.J. (Jr.), Miczek K.A., Roth J.I. (eds). *Understanding and preventing violence*. Washington, DC, National Academy Press, 1994, vol. 2, pp. 173–244.
5. Nomokonov V.A. Criminal «decriminalization». *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2012, no. 26, pp. 48–57. (In Russian).
6. Maksimov S.V. *Noveishaya ugovolnaya politika Rossii (1996–2016): itogi, problemy, perspektivy* [Modern Criminal Policy of Russia (1996–2016): Results, Problems, Prospects]. Moscow, Institute of State and Law of the RAS Publ., 2016. 26 p.
7. Tyazhkova I.M. *Otvetstvennost' za neostorozhnye prestupleniya, sovershaemye pri ispol'zovanii istochnikov povyshennoi opasnosti*. *Dokt. Diss.* [Liability for negligent crimes committed when using sources of extreme danger. Doct. Diss.]. Moscow, 2003. 399 p.
8. Kadnikov N.G. *Klassifikatsiya prestuplenii po ugovolnomu pravu Rossii. Avtoref. Kand. Diss.* [Classification of crimes in Russian criminal law. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2000. 53 p.
9. Maksimov S.V. (ed.). *Monitoring ugovolnoi politiki Rossii* [Monitoring of Russian Criminal Policy]. Moscow, Institute of State and Law of the RAS Publ., 2014. 482 p.
10. Korobeev A.I. (ed.). *Polnyi kurs ugovolnogo prava* [A Complete Course in Criminal Law]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2008. Vol. 1. 1133 p.
11. Nersesyan V.A. Legislative regulation of liability for negligent criminal acts. *Ugovolnoe pravo = Criminal Law*, 2000, no. 2, pp. 41–44. (In Russian).
12. Filimonov V.D. *Kriminologicheskie osnovy ugovolnogo prava* [Criminological Basis of Criminal Law]. Tomsk State University Publ., 1981. 211 p.
13. Steshich E.S. Comparison of personal characteristics of intentional and negligent killers. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2017, no. 1 (38), pp. 77–85. (In Russian).
14. Steshich E.S., Krasnenkova S.A. Criminal predisposition as a factor in road traffic offenses (based on the case study). *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2014, no. 2 (40), pp. 17–23. (In Russian).
15. Krasnenkova S.A., Shchelkushkina E.A. Some criminological and individual psychological characteristics of persons guilty of traffic crimes under influence. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2015, no. 3, pp. 57–66. (In Russian).
16. Baranchikova M.V., Maltseva T.V. Study of personality of a road traffic offenders admitting speeding. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied Psychology and Pedagogics*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 3. (In Russian).
17. Mal'tsev V.V. Crimes of negligence: criteria of public danger and their reflection in the CC of the RF. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2012, no. 3, pp. 32–40. (In Russian).
18. Zamaleeva S.V. *Yatrogennyye prestupleniya: ponyatie, sistema i voprosy kriminalizatsii. Avtoref. Kand. Diss.* [Iatrogenic crimes: concept, system and issues of criminalization. Cand. Diss. Thesis]. Yekaterinburg, 2016. 26 p.
19. Ulez'ko I.S. *Otvetstvennost' za narushenie pravil bezopasnosti pri vedenii gornyykh, stroitel'nykh ili inykh robot (st. 216 UK RF): ugovolno-pravovoi i kriminologicheskii analiz. Avtoref. Kand. Diss.* [Liability for violating safety regulation in mining, construction or other works (Art. 216 of the CC of the RF): criminal law and criminological analysis. Cand. Diss. Thesis]. Omsk, 2015. 24 p.
20. Mukhortova M.V. *Prestupleniya, svyazannyye s narusheniem spetsial'nykh pravil: priroda i osobennosti elementov sostava. Avtoref. Kand. Diss.* [Crimes of violating special rules: nature and specifics of constituent elements. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2016. 32 p.

21. Agildin V.V. *Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika prichineniya smerti po neostorozhnosti. Avtoref. Kand. Diss.* [The criminal law and criminological characteristics of manslaughter. Cand. Diss. Thesis]. Irkutsk, 2003. 22 p.
22. Gaukhman L.D. *Kvalifikatsiya prestuplenii: zakon, teoriya, praktika* [Qualifying Crimes: Law, Theory, Practice]. Moscow, YurInfo Publ., 2001. 447 p.
23. Chubinskii M.P. *Motiv prestupnoi deyatelnosti i ego znachenie v ugovnom prave* [Motive of a Crime and its Significance in the Criminal Law]. Yaroslavl, Tipolitografiya E.G. Fal'k Publ., 1900. 373 p.
24. Babaev M.M. Criminal policy and crime as an interaction. In Simonenko A.V. (ed.). *Sovremennye problemy ugovnoi politiki. Materialy 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 25 sentyabrya 2015 g.* [Contemporary Problems of Criminal Policy. Materials of 6th International Research Conference, September 25, 2015]. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2015, vol. 1, pp. 31–32. (In Russian).
25. Rarog A.I. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Russian Criminal Law. General and Special Parts]. 6th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 702 p.
26. Rogova E.V. *Uchenie o differentsiatsii ugovnoi otvetstvennosti. Dokt. Diss.* [The Theory of Differentiating Legal Liability. Doct. Diss.]. Moscow, 2014. 596 p.
27. Fefelov P.A. *Obshchestvennaya opasnost' prestupnogo deyaniya i osnovanie ugovnoi otvetstvennosti* [Public Danger of a Criminal Act and the Basis of Legal Responsibility]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1972. 151 p.
28. Martsev A.I. *Obshchie voprosy ucheniya o prestuplenii* [General Issues of the Theory of Crime]. Omsk University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2000. 136 p.
29. Adel'khanyan R.A.; Pobegailo E.F. (ed.). *Prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu pri osobo otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh (ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie)* [Causing Grievous Bodily Harm in Especially Aggravating Circumstances (Criminal Law and Criminological Research)]. Mineralnye Vody, Kavkazskaya Zdravnitsa Publ., 2000. 119 p.
30. Bezruchko E.V. *Ugolovno-pravovye sredstva obespecheniya bezopasnosti zdorov'ya cheloveka v Rossiiskoi Federatsii* [Criminal Law Means of Ensuring Human Health and Safety in the Russian Federation]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 344 p.
31. Dageľ P.S. *Neostorozhnost'. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy* [Carelessness. Criminal Law and Criminological Problems]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1977. 144 p.
32. Luk'yanov V.S. Technical progress and criminal legislation. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 1999, no. 10, pp. 28–30. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корецкий Данил Аркадьевич — профессор кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: koretski@mail.ru.

Стешич Елена Сергеевна — докторант Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: esteshich@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Корецкий Д.А. Проблема оценки тяжести неосторожных преступлений, связанных с лишением жизни / Д.А. Корецкий, Е.С. Стешич // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 677–687. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).677-687.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Koretsky, Danil A. — Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: koretski@mail.ru.

Steshich, Elena S. — Post-Doctoral Researcher, Rostov Institute of Russian Ministry of Internal Affairs, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: esteshich@mail.ru.

FOR CITATION

Koretsky D.A., Steshich E.S. The problem of determining the gravity of negligent crimes involving the deprivation of life. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 677–687. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).677-687. (In Russian).